лей“ и др.). Открывается „Изборник“ 1076 года „Словом некоего калугера“ о чтении книг. Автор отдает себе полный отчет в силе идеологического воздействия книги и посвящает ей восторженный панегирик: „Добро есть, братие, почитание книжьное... Красота воину оружие и кораблю ветрила — тако и правьднику почитание книжное“.[1] Затем следуют „душеполезные“ статьи, излагающие общие нравственные нормы поведения людей и отдельные правила на разные случаи жизни. В отдельных статьях, например, говорится о почитании родителей, о наказании детей, об отношении к жене.[2] В специальной статье „О мьртвьцих“ точно регламентируется, сколько следует плакать по мертвецу, когда вспоминать его и т. д.[3] В другом месте читателю дается совет бережно хранить тайны и скрывать свои мысли. Иоанну Златоусту приписываются советы, как держать себя при встрече с другими. Особенно много „домостроевских“ мотивов в „Слове Святого Василия, како подобаеть человеку быти“, где преподаются правила поведения: не разговаривать во время еды („едение и питие без говора с удьржанием“), „не скоро в смех въпадати“, „долу очи имети“, и т. д.[4] В этом отношении „Изборник“ Святослава 1076 года является прообразом русского Домостроя. Однако не в „домостроевских“ правилах лежит идейная направленность всего сборника. Н. П. Попов не сумел разглядеть основную тенденцию сборника. По его мнению, „Изборник“ 1076 года обличает „основные пороки времени“ — пьянство и болтливость в церкви.[5]

На самом деле этим „основным порокам времени“ сборник уделяет меньше всего внимания, посвящая им (и то не полностью) 2 главы из 48. Основное содержание сборника заключается в другом. Подкрепленные авторитетом библейских авторов и „отцов церкви“, статьи „Изборника“ обращаются к богатым и сильным с призывом вникнуть в свое положение и осмыслить свою роль в обществе, где „большая часть мира сего в ништете есть“.[6] С точки зрения христианской морали, богатство — это зло, мешающее человеку попасть в „царство небесное“. Но авторы „Изборника“ отнюдь не требуют у своих читателей отказаться от богатства; они предлагают только богатым и знатным выполнить ряд несложных и сравнительно недорогих требований. „Аште тако можеши творити, — обращается „некий отец“ к „сыну своему“, — не сътворить ти пакости богатьство твое, нъ... ти будеть царьству небеснууму, акы ходатай и друг добр“.[7]

К чему же сводились эти требования? У богача дом — полная чаша, он укрыт в тепле, хорошо одет, прекрасно питается, живет в полном довольстве. Но вокруг него „большая часть мира сего“ пребывает в нищете и терпит лишения. Не дай бог кичиться своим богатством, озлоблять меньших, доводить обездоленных людей до отчаяния. Уделять частицу своего богатства страждущим и скорбящим, накормить голодных, напоить жаждущих, одеть нагих, хорошо, по-отечески обращаться со своими рабами и челядью — вот путь к „спасению“, при-

---

[1] Сборник Святослава, лл. 1, 2 об. (стр. 11). О пользе книг говорится и в „Наказании Исихия“: „Егда об ум с языкъмь къто хочет ицелити, то в книгы вьину да зрить“ (там же, л. 68, стр. 38).
[2] Там же, лл. 155 об.—163 (стр. 74—77).
[3] Там же, лл. 153 об.—155 об. (стр. 73—74).
[4] Там же, лл. 101 об.—102 об. (стр. 52).
[5] N. P. Popov. L' Izbornik de 1076..., стр. 24.
[6] Сборник Святослава, л. 30 об. (стр. 23).
[7] Там же, л. 24 (стр. 20).